

В. Б. Устьянцев¹**ЖИЗНЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО ЭТНОСА:
ГОРИЗОНТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ**

Пространственное бытие этноса неоднократно оказывалось в центре дискуссий о природе межнациональных отношений в современном социуме. Различные аспекты концепции жизненного пространства этноса прослеживаются в геополитике, политической географии, этнологии, концепты духовного пространства этических общностей обсуждаются в философии жизни, экософии, культурологии, этнографии. На фоне дискуссионных точек зрения остаются непроясненными философские вопросы о структуре жизненного пространства исторических общностей, роли национальной идентичности, обеспечении духовной безопасности этносов.

Элементы концептуализации жизненного пространства этноса разворачиваются в системе концептов и представлены на экологическом, институциональном и социокультурном уровнях (концептами), каждый из которых содержит собственный интеллектуальный потенциал, институциональные средства, способные регулировать дистанции между членами этнообщности, направлять жизнедеятельность этноса в определенное социокультурное русло, формировать пространственные механизмы этнической консолидации и безопасности.

Экологический уровень-концепт жизненного пространства включает территориальные структуры, обеспечивающие жизнестойкость и адаптацию этноса как особого социального организма по отношению к внутренней и внешней средам обитания. Экологически организованное пространство этносов включает экологические формы разделения труда, природоохранную деятельность, сложившиеся экологические отношения внутри этноса и за его пределами. Экологическое обоснование жизненного пространства этноса охватывает различные концептуальные установки — от гипотезы о биопопуляционной природе этносов до геополитических теорий жизненного пространства наций и инвайронменталистических моделей этносов. В связи с этим речь может идти о системной концептуализации экологического подхода, способного интегрировать достижения различных дисциплинарных областей науки. На экологическую составляющую пространства этноса обращает внимание Ф. Барт,

представитель классического конструктивизма в этнологии. В его теоретической модели этническая группа, занимающая территорию с варьирующимися экологическими условиями, проявляет региональное многообразие институализированного внешнего поведения². Сочетание конструктивизма с институциональным подходом в воззрениях Ф. Барта не случайно и содержит объективное обоснование.

В реальной жизнедеятельности этносов институциональное закрепление сегментов и феноменов жизненного пространства является необходимым условием для стабильной жизнедеятельности этнических групп. В связи с этим целесообразно говорить о концептуализации институционального уровня пространства этноса. Реализуясь в нормах экологического права, организационных структурах, обеспечивающих экологическую, экономическую, национальную безопасность этносов, охватывая отношения власти и правопорядка, институциональное пространство направляет социальную и духовную энергию этнических групп на воспроизводство жизненных ресурсов территорий. На институциональном уровне пространства этноса особенно заметно влияние политического фактора. Государство стремится регулировать этнические и межэтнические связи в интересах целостности многонационального социума. На национальных территориях выстраиваются сложные взаимоотношения между центробежными и центростремительными и центробежными политическими силами. В национальных движениях ключевые позиции занимают национальные элиты или противостоящие им так называемые эрзац-элиты. Закрепляя или, наоборот, ослабляя дистанции между региональными элитами, эрзац-элитами и контрэлитами, с одной стороны, и населением региона — с другой, институциональное пространство этноса предстает частью политического порядка российского социума (со всеми вытекающими последствиями).

Социокультурный уровень-концепт жизненного пространства этноса раскрывается в ценностях и традициях национальной культуры, реализуется в национальных символах, идеалах, социокультурных образцах, проявляется в пространстве коммуникаций, языковой культуре этнических общностей. Своеобразным «домом жизни» этноса выступает национальная память, ее субъекты способны оценивать и воспроизводить в настоящем исторический опыт прошлого. Обладая мощными информационными технологиями для сохранения и трансляции текстов, артефактов, национальных традиций, современные этносы расширяют социокультурные основания жизненного пространства. Причем на фоне нарастающего давления техногенной среды и обезличенных институциональных связей в национальном сознании особую значимость приобретают понятия и метафоры «родная земля», «родной

¹ Заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского университета им. Н. Г. Чернышевского, доктор философских наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный работник высшей школы РФ. Автор более 180 публикаций, в т. ч. книг: «Проблемы становления социального», «Диалектика форм становления общественно-экономической формации», «Ценностное бытие человека», «Человек, жизненное пространство, риски», «Россия и Китай: парадигмы межкультурного взаимодействия» (в соавт.) и др. Председатель Саратовского отделения Российского философского общества, член президиума РФО. Главный редактор журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». Награжден орденом «*Labore et Scientia*» («Трудом и Знанием») Европейского научно-индустриального консорциума и Российской академии естествознания.

² Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: сб. ст. / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 14–15.

язык», «малая родина», «родные места». В наступающую эпоху посткнижной культуры с появлением новых адаптационных кодов культуры, «гибридных текстов», информационных вирусов обнаруживаются угрозы «мнемических войн». В последнее время наглядным примером таких локальных мнемических войн являются пропагандистские кампании отдельных западных политиков, искажающие роль Советского Союза во Второй мировой войне.

Оказывая значительное влияние на жизненное пространство этнического общества, национальная память взаимодействует с другими социокультурными компонентами пространственного бытия этноса, его ценностными структурами. Ценности этноса становятся источниками его духовной силы, реализуются в национальных интересах и стратегиях жизни. Эта особенность ценностных структур этнических общностей в свое время была отмечена представителями философии жизни — А. Бергсоном, В. Дильтейем, Г. Риккертом. По мнению В. Дильтея, культурное пространство во многом обусловлено жизненной энергией и духовными действиями субъектов. «Все эти действия исполнены жизненными ценностями: радость и интенсивность нашего бытия скрыты в самой этой деятельности и извлекаются из нее»¹. В этом высказывании прослеживаются объективные тенденции ценностной динамики социокультурного пространства. Национальные ценности, способные выражать предельно общие стороны человеческой бытийственности, входят в мир общечеловеческих ценностей, становятся достоянием всего человечества.

Предложенная теоретическая конструкция жизненного пространства этноса неизбежно содержит элементы схематизма и предполагает другие горизонты концептуализации. В системе познавательных процедур понятие «этнос» выражает объективные основания национальной жизни, а этничность раскрывает субъективное восприятие пространственной бытийственности исторической общности. Концептуализация этничности как духовного освоения объективно функционирующего национального пространства возможна в системе следующих концептов: «духовная оппозиция “мы–они”», «культурно-национальная идентичность», «национализм», «рискогенность национального сознания». Между концептами устанавливаются подвижная взаимосвязь и взаимозависимость, выражающие различные проявления этничности в национальной куль-

туре, национальной политике, включая идеи мультикультуризма, стратегии национального единства. Этничность как духовный феномен проявляет себя в чувствах национальной отличительности, реализуется в социально-психологической оппозиции «мы–они». Состояние «мы», локализованное национальной территорией, национальными интересами, традициями, знаками солидарности, становится средством осуществления национальной идентичности, дает возможность разглядеть социальные очертания индивидов, объединенных в этническую общность, сформировать ценностные установки на доверительное, нейтральное или негативное отношение к «чужим».

Начала этничности, заложенные в оппозиции «мы–они», приобретают новое содержание в мифологических, художественных, религиозных образах, демонстрируя разнообразие проявлений национальной идентичности. Коллективные формы идентичности преломляются в индивидуальном сознании, способном создавать обобщенные образы жизненного пространства, обращенные в будущее. В многоплановом процессе этнической консолидации и верификации, проникающем в пространство национальной идентичности, проявляются феномены так называемой ситуативной идентичности, связанной с состояниями риска. Импульсами для рисков, возникающих в сознании этноса, становятся социальные ощущения опасности, обусловленные ухудшением условий жизни, утратой веры в действия региональных элит, нарастающее коллективное чувство страха, нагнетаемое средствами массовых коммуникаций.

Привлечение концепта риска к исследованию проблемного поля национально-культурной идентичности дает возможность выявить амбивалентность этничности, где ценности солидарности и национального единства могут сосуществовать с опасными проявлениями агрессивного национализма, феноменами этнокультурной маргинальности. Восприятие и оценка этнорисков предстают как факторы национального самоопределения. Осознавая свою этническую принадлежность, индивид неизбежно учитывает риски своей этнической группы, становится одним из субъектов национальных рисков. Изучение феноменов рискогенного сознания этноса как проявления рискогенного социума XXI века способствует расширению проблемного поля этничности и развертыванию новых горизонтов концептуализации современного этнического общества.

¹ Дильтей В. Сущность философии. М., 2001. С. 72.